

УДК: 82 (091)

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВЫМЫСЛЕ И ДОМЫСЛЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ШАМИЛЯ АЛЯДИНА

Юнусов Ш. Э.

*Дослідження здійснено
за підтримкою ДФФД України
у межах проекту «Відродження культурної
спадщини кримських татар: мова і література»*

Вплоть до 60-х годов XX века в системе мировой литературы для писателей малых народов отводилось скромное место. Они были литературами больше заимствующими, нежели заимствуемыми. А в условиях социалистического лагеря, когда официальная эстетическая система пренебрегала общественным и личностным опытом этнонациональной жизни, художественная литература вынуждена была довольствоваться изображением обезличенного образа советского человека. Дальнейшая постепенная эволюция художественного мышления начала стимулировать качественный перелом, что способствовало пробуждению этнонационального самосознания. Такая тенденция была особенно характерна для литератур малочисленных народов, переживающих реальную угрозу полной ассимиляции: предчувствуя, что могут бесследно исчезнуть из памяти, они создают свои отдельные истории и инстинктивно тянутся к своим истокам (Н. Суюнова).

Шамиль Алядин (1912 – 1996) – один из той немногочисленной группы писателей, в произведениях которого чувствовалась отчетливость звучания национальной идеи, выказывалась готовность открыть в соответствующих образах этнонациональный мир с его психологическими, внутринациональными проблемами, сопряженными с общественными. Использование им приема ретроспекции, т.е. изображения жизни через воспоминания и характеристику пережитого с позиции обретенного жизненного опыта, давало писателю все основания оглянуться в прошлое, даже в то прошлое, которое предшествовало его жизни. Вопреки установкам соцреализма показывать то, что должно соответствовать идее нового политического строя, названный прозаик сумел оппонировать свой страх. Результатом этого стало появление таких повестей, как «Приглашение к дьяволу на пир», «Родники», а также многолетняя работа над романом «Тугай-бей», которая так и не была завершена. Замысел таких произведений зародился в 70-е годы, когда эти проблемы рассматривались писателем пока еще в виде публицистических работ. Осознавая, что народ, лишенный духовного родства с предшествующими поколениями, теряет историческую национальную память, теряет опору, прозаик ощущал потребность в иных приемах и методах художественного осмысления

исторической действительности. При этом он строил свое произведение на основе синтеза художественного опыта родной, русской и мировой литератур.

Всякий писатель, в той или иной степени обращающийся к прошлому, опирается на историю. Историческая проза, занимающая в творчестве Ш.Алядина особое место, явилась результатом тщательного изучения им исторического материала. Историческая проза обостряет интерес к познанию прошлого, является серьезным фактором формирования исторического сознания. Поскольку исторический романист не может быть современником показываемых событий и создает свои произведения не по личным воспоминаниям, он «эстетически осваивает динамические связи прошлого, настоящего и будущего» [1,4]. Работая над повестью «Приглашение к дьяволу на пир», писатель в своих грезах снова и снова обращается к минувшему. Подобно тому, как Н.В.Гоголь, работая над историей Запорожской сечи, обращался к событиям прошлого и задавался вопросом: где люди, необходимые сегодня, на данном этапе исторического развития народа? Кто их способен заменить?, Шамиль Алядин в своем творческом поиске выводит типичский образ с его раздумьями о людях. Однако эта сосредоточенность героя, становящаяся все глубже, постепенно сменяется драматической интонацией, ибо автор рисует человека в сложнейших переплетениях социально-политической реальности начала XX века. Название повести – своеобразная обличительная мотивация, знаменующая трагический финал судьбы главного героя.

Ш.Алядин ценен тем, что он пришел в большую художественную литературу, чтобы сказать о своем народе. Он человек из народа, из крымской глубинки. Привязанность к родному краю была для него как бы основным условием его творчества. Оно являлось своего рода окном, сквозь которое писатель наблюдал внешний мир. Наиболее зрелые произведения Ш.Алядина были овеяны воспоминаниями о своем селе, ее окрестностях, думами о далекой и близкой истории Крыма. Его миссия – миссия писателя – заключалась в том, чтобы войти в богатый литературный контекст через раскрытие жизни своей Родины, ее судеб. Так, рисуя образ Усеина Шамиля Токтаргазы – прототипа реального исторического лица, крымскотатарского поэта-демократа конца XIX – начала XX века, - автор повести «Приглашение к дьяволу на пир» занят поиском органичной позиции человека в эпохе. Писатель тяготеет к поиску ответа на вопрос о выполнении историческим лицом своей миссии перед народом. Читателю же выпадает роль своего рода арбитра, призванного оценить, насколько точно автор исторической повести уловил главную тенденцию эпохи, насколько ясно сумел понять главное направление исторического процесса.

В последней четверти прошлого века, рассматривая вопрос о признаках исторической прозы, литературоведы склонялись к следующей ее формулировке. Это:

- тема, обращенная в прошлое;
- более или менее значительное отстояние изображаемой эпохи от современности автора;
- принципиальное различие эпох и в то же время единства общеисторического процесса;
- подлинные события и персонажи [1,3].

Если принять такой тезис, то мы так или иначе придем к выводу относительно художественного вымысла и доммысла в историческом романе (повести), ибо вопрос об авторской фантазии является составным творческого успеха создателя исторической прозы. При этом необходимо учесть, что категории вымысла и доммысла должны быть сопряжены с объективным историческим прошлым. Таким образом, получает дальнейшее развитие тезис Аристотеля об искусстве как особом виде творчества, воспроизводящем не только то, что было, но и вероятное в жизни.

Так, в названной выше повести Ш.Алядина мы встречаемся с цельными характерами нравственно здоровых людей – И.Гаспринским, Р.Медиевым, У.Баличем, Дж.Меиновым. Их занимают думы о лучшем переустройстве жизни общества. Они непоколебимы в мыслях, что эту счастливую жизнь обеспечит просвещение народа. Склонность этнонациональной интеллигенции на стыке веков не только к грезам, но и практическим действиям подтверждают как периодическая печать того времени, архивные материалы, так и ряд исследований. Основываясь на реальных документах, автор повести как бы дорабатывает, другими словами, художественно доммысливает исторические события.

Художественный доммысел способствует раскрытию изнутри жизненных явлений, человеческих переживаний. А слияние подлинного и вымышленного служит созданию художественной правды. В силу того, что и вымысел и доммысел подчинены идее гиперболизации, вместе взятые, они помогают дальнейшей типизации. В этом контексте интересными представляются слова А.Толстого о том, что «в каждом художественном произведении, в том числе и исторической повести, - мы ценим прежде всего фантазию автора, восстанавливающего по обрывкам документов, дошедших до нас, живую картину эпохи, осмысливающего эту эпоху» [2, 592].

Вот как рисует автор последние часы жизни своего героя:

«...Войдя во двор, Усеин-оджа увидел своего скакуна Кыпчак... Кыпчак узнал хозяина, поднял маленькую красивую голову, заржал тонким приятным голосом и начал бить копытом о землю. Усеин обнял его за шею, прижался щекой к морде, тихо и ласково приговаривая:

- Ты соскучился по вольному бегу, сердце мое? Я тоже истосковался по степи, по ветру, по запахам трав. О, Кыпчак, как я по всему этому истосковался!.. А на душе такая тяжесть! Ты понимаешь Кыпчак?..

Кыпчак понимал хозяина. Потому, замерев, дважды закрыл и открыл глаза. При этом его длинные жесткие ресницы коснулись щеки учителя. В то время, когда даже многие из людей не могли понять его печали, Кыпчак все понимал... Учитель поцеловал его и вытер рукавом свои влажные глаза» [3, 345] (здесь и далее - в переводе Э. Амиита).

Прозаик не случайно акцентирует на скакуне – у тюрков конь символизирует свободу. Именно свободы жаждет поэт, свободы, которой лишен его народ. Ему таки удается «оседлать» эту свободу в предсмертные минуты: «Он вдел левую ногу в стремя и легко прыгнул в седло. Не успел дернуть за уздечку, Кыпчак рванулся с места, и оджа едва успел вставить в стремя вторую ногу. Кыпчак вмиг вынес его за деревню, помчался по проселочной дороге, оставляя за собой клубы пыли. Седок повернул его в

стень. Высокая трава хлестала коня, и летели в разные стороны, как искры, лепестки разноцветных цветков. Учитель отпустил поводья, он не сдерживал коня и не торопил. Наконец Кыпчак, насладившись безудержной скачкой, замедлил бег, а потом пошел шагом, оглядываясь по сторонам, жадно вдыхая трепещущими ноздрями степной воздух... Кыпчак... доволен, что наконец оказался на просторе, что свободен. Впрочем, и Усеин-оджа испытывал то же самое чувство... [3, 346].

Как полагает наблюдатель, «выдумка иногда больше правды, больше, чем сама правда, и часто голая документальность малоубедительна, потому что документальная запись – запись момента, как фотография – запись выражения человеческого лица и одно из мгновений, но никогда не лица в целом, не типа лица. Задача искусства (как задача портрета) – создать характер, тип» [2, 505].

Таким образом, финал повести «Приглашение к дьяволу на пир» становится органическим усилителем чувства приближающегося несчастья. Сплетение исторического факта и художественного домысла приводят к контрасту в сюжетной линии произведения. Автор сознательно склоняется к такому искушению, он одержим желанием внести в историю свой вымысел. Он не может оставаться сухим пересказчиком исторических документов. Присовокупление воображения художественно истолковывает смысл событий, при этом не нарушается внешнее правдоподобие, изображение описываемых лиц и событий.

Удивительный знаток и мастер крымскотатарского языка Ш.Алядин пытается донести до потомков свои познания. Его произведения – миниэнциклопедия жизнеустройства крымскотатарского народа, связующая нить поколений.

Ш.Алядин сумел переплавить свои эмоциональные размышления в историческую прозу, приложив немалые усилия для дальнейшего качественного изменения литературно-художественной культуры своего народа. Его наследие, как наследие ведущего писателя второй половины XX века, ждет своих исследователей.

Литература

1. Кормилов С.И. к общей теории художественно-исторической литературы //Филологические науки. 1979.-№ 4.
2. Толстой А. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. Т. 13
3. Алядин Ш. Приглашение на пир к дьяволу.- Теселли. М.: Советский писатель, 1985.

Статья поступила в редакцию 20.03.2005